

**В. К. Кельмаков, Вехи истории удмуртского языковедения, Ижевск 2011. 518 с.**

Рецензируемая книга, которую автор приурочил к 70-летию со дня своего рождения, продолжает серию им же созданных «Удмуртских говор» и представляет собой авторский сборник статей (очерков), посвященных некоторым проблемам удмуртской и пермской, а также финно-угорской лингвистики в целом. Монография составлена частично на основе публикаций ученого в отечественных и зарубежных изданиях, доработанных и дополненных в той или иной степени.

Книга состоит из предисловия, двух глав, послесловия, списка условных сокращений и довольно массивного библиографического списка и представляет собой стройную композиционную систему, логично и/или последовательно ведущую к раскрытию основного замысла работы: «очерки об отдельных ее (речь идет об истории удмуртоведения — Л. И.) творцах и героях предварены эскизным описанием развития удмуртской лингвистики с самого ее зарождения до наших дней» (с. 11).

В предисловии автор отмечает, что данное исследование (как и любое другое) пронизано некоторым авторским субъективизмом, и что, возможно, не все ученые, вносящие или внесшие определенную лепту в изучение истории удмуртского языкознания, нашли отражение в монографии.

Первая глава «Зарождение и развитие удмуртского языкознания» (с. 13—68), собственно теоретическая, в

свою очередь, состоит из разных исследований (31 параграф) по истории удмуртской филологии, развитию и состоянию на сегодняшний день. Начиная с периодизации истории удмуртского языкознания, автор излагает вклад шести основных «центров изучения удмуртского языка», описывает различные направления и анализирует исследования по основным областям современной удмуртской лингвистики.

История науки об удмуртском языке автором разделена на пять периодов: 1) возникновение и начальный этап развития удмуртского языкознания — XVIII век; 2) начало и середина XIX века, или «период поисков новых источников»; 3) конец XIX — середина 30-х годов XX века, или «героическая эпоха» в финно-угроведении; 4) середина 30-х — конец 60-х гг. XX века, или «период утраченных иллюзий» и 5) с 70-х г. XX века — до наших дней («период поисков своего лица»). Каждая из перечисленных эпох характеризуется присущими ей особенностями.

По поводу первого периода (с. 13—17) большое внимание автор уделяет основным источникам развития и обогащения литературного языка — ранним памятникам удмуртской письменности, с одной стороны, и современным диалектам и языку фольклора, с другой. По его мнению, наибольшее распространение в лингвистике XVIII века получила лексикография — было составлено много словарей разного объема, и лексемы, зафиксирован-

ные в них, дают довольно полное представление об основном словарном фонде удмуртского языка более чем двухвековой давности. Лексикографические работы того периода сохранили архаичные элементы и формы не только в лексике, но и на других уровнях системы языка. Совершенно обоснованно важнейшим достижением признается и составление грамматик удмуртского языка, одна из которых («Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» — Л. И.) стала вершиной языкознания того времени. Она «положила конец возможным шатаниям в выборе между латинской и кириллической графическими системами» (с. 15), дала толчок к применению орфографических норм русского языка в удмуртском письме, представила, правда, иногда эмпирически, все традиционные разделы современной удмуртской грамматики, отразила диалекты удмуртского языка, и, наконец, показала удмуртский язык с его специфическими особенностями научному миру. Во втором периоде (с. 17—20) представлены сведения о начале издания переводов клерикальной литературы на удмуртский язык, которые использовали зарубежные исследователи: Х. К. Габеленц выделил в удмуртском языке 12 падежей, Ф. Й. Видеманн написал научную грамматику удмуртского языка и первое теоретическое исследование в области удмуртской диалектологии. Третий этап (с. 20—22) рассказывает о текстовых и словарных публикациях как зарубежных (Б. Мункачи, Т. Аминофф, Ю. Вихманн), так и отечественных (Б. Гаврилов, Н. Первухин, Г. Верещагин) ученых. По мнению В. К. Кельмакова, удмуртское языкознание того времени развивалось в двух направлениях: 1) теоретическое (в основном — за рубежом), в том числе составление словарей, публикация текстов, применение сравнительно-исторического метода, и 2) учебно-методическое (в основном отечественное). Четвертый период (середина 30-х — конец 60-х годов XX века) (с. 22—25) знакомит с определенными труднос-

тями и противоречивыми тенденциями в лингвистических исследованиях, которые оказали пагубное влияние на судьбу теоретического языкознания. Это время автор характеризует как «тихое прозябание в тени коллективных работ» (с. 24), составление школьных учебников и разного рода словарей. Однако тогда же была написана научная грамматика удмуртского языка. Исследования монографического характера в большинстве случаев принадлежали языковедам не удмуртского происхождения (Д. В. Бубрих, Г. Стипа, К. Редее и др.) и посвящались в основном общепермским или финно-угорским проблемам.

Пятый этап, или «период поисков своего лица» (с. 26—68), правомерно занимает бо́льший объем первой части монографии. Здесь оценивается посильный или непосильный вклад шести научных учреждений и учебных заведений Удмуртской Республики, которые занимаются разработкой теоретических проблем удмуртской лингвистики (с. 27—44): 1) Удмуртский научно-исследовательский институт с его отделом языкознания (с 1 февраля 1988 года — Удмуртский институт ИЯЛ УрО РАН), 2) факультет удмуртской филологии Удмуртского государственного университета с двумя удмуртскими лингвистическими кафедрами, 3) межфакультетская проблемная учебно-научная лаборатория лингвистического картографирования и исторической лексикологии этого же университета, 4) кафедра удмуртской филологии Глазовского государственного педагогического института, 5) Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики и, наконец, 6) Институт истории и культуры народов Приуралья.

Большое внимание уделено, конечно же, научно-теоретическому направлению, которое к 70-м годам прошлого столетия становится ведущим в развитии удмуртского языкознания (с. 46—68). Автор отмечает, что в это время произошла интеграция двух направлений удмуртского языковедения:

теоретического исследования удмуртского языка и прикладной лингвистики в одном месте — в республиканских научных центрах. В. К. Кельмаковым приводится, возможно, не полный перечень и краткий анализ опубликованных работ начиная с 1970 (время проведения III Международного конгресса финно-угроведов, в котором удмуртские лингвисты впервые приняли участие в большом количестве) и заканчивая 2011 годом. Эти исследования касаются следующих тем: описательная и историческая фонетика, лексикология, фразеология и лексикография, морфемное членение удмуртского языка и словообразование, морфология и синтаксис, диалектология, ономастика, методы ареальной лингвистики, типологическое исследование удмуртского языка, его контактирование с другими языками, текстологическое изучение памятников удмуртской письменности и подготовка их к изданию, изучение удмуртского литературного языка и его стилей и др. Автора тревожат серьезные недостатки, например, вопросы грамматики удмуртского языка. Он справедливо отмечает, что научная грамматика, опубликованная четыре десятилетия назад, нуждается в серьезном пересмотре, не соответствуют современным требованиям пунктуационные правила, назрела необходимость переиздания с исправлениями и дополнениями русско-удмуртского словаря 1956 года и др.

Во второй главе В. К. Кельмаков предлагает исследования, представляющие собой эскизный анализ творческой деятельности ряда выдающихся финно-угроведов и удмуртоведов XIX—XXI вв. (с. 69—426; 18 очерков о 13 ученых), которые в той или иной мере имели отношение к изучению удмуртского языка и его истории. Конечно, перечисленный список не полон, что отмечает в предисловии автор (с. 11).

Первый параграф главы знакомит с научным вкладом в удмуртскую лингвистику финского ученого Т. Г. Аминоффа, который первым из зарубежных исследователей изучал удмуртский

язык в полевых условиях. В. К. Кельмаков скрупулезнейшим образом проанализировал два основополагающих труда исследователя — «Wotjakilaisia kielinäyhteitä» (1886; Образцы удмуртской речи) и «Wotjakin äänne- ja muotoopin luonnos» (1896; Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка), в которых особенности удмуртской речи (казанского и вятского диалектов) переданы посредством своеобразной «аминоффской» транскрипции. Очень ценно приложение (с. 97—112), пять заговоров, записанных более чем 130 лет назад, а юбилеем транслитерированных еще и на кириллической основе «для бóльшей доступности удмуртским читателям» (с. 98).

Следующий параграф (с. 113—138) посвящен языковедческим трудам первого удмуртского ученого, поэта, учителя, литератора и священника Г. Е. Верещагина. Проанализированы работы «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» (1895), «Руководство к изучению вотского языка» (1924) и «Удмурт грамматика кык кылын — удмурт кылын, дзюч кылын» (2002), имеющие исключительное значение для изучения истории удмуртского литературного языка.

В третьем параграфе (с. 139—166) В. К. Кельмаков анализирует книгу Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» (1880), представляющую собой сборник фольклорно-диалектологических текстов. Рассматривая особенности письма памятника, юбилей вполне логично отмечает, что избыточность графических средств, представленных в текстах (47 букв для обозначения менее чем 40 фонем), и сочетание на практике слогового принципа письма с транскрипционным, а также звуковая неоднозначность некоторых графических знаков предопределили противоречивые особенности орфографии книги: с одной стороны, дали возможность относительно точно зафиксировать фонетические особенности удмуртских диалектов, с другой — спровоцировали непоследовательное использование громоздкой графики.

В. К. Кельмаков приходит к выводу о том, что Б. Гавриловым отражаются в основном фонетические, морфологические и лексические особенности кукморского и шошминского говоров удмуртского языка.

В двух статьях следующего параграфа (с. 167—202) коротко описан неоспоримый вклад в удмуртское языкознание венгерского ученого Б. Мункачи.

Пятый раздел «Очерков об исследователях удмуртского языка» (с. 203—230) посвящен удмуртским (пермским) студиям финского компаративиста рубежа XIX—XX вв. Ю. Вихманна. Кратко характеризуя работы ученого, имя которого «в нашей республике незаслуженно остается в тени» (с. 205), автор подробнее останавливается на докторской диссертации «Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänsche» (1915). Далее (с. 231—238) читатель имеет возможность познакомиться с деятельностью венгерского финно-угроведа Д. Р. Фокош-Фукса, работы которого имеют непреходящее значение для финно-угорского (пермского в первую очередь) языкознания в области синтаксиса.

Седьмой параграф (с. 239—258) знакомит с трудами «основоположника советского финно-угорского языкознания» Д. В. Бубриха. В. К. Кельмаков отмечает, что его работы сыграли огромную роль в развитии финно-угроведения в национальных республиках (в том числе и в Удмуртии). «Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком)» (1948), по меткому выражению автора, «систематизированное обобщение результатов изысканий многих поколений специалистов (в их числе зарубежных) в области исторической фонетики» (с. 256) пермских языков, до настоящего времени служит настольной книгой для всех, кто интересуется историей и развитием фонетики удмуртского языка.

Следующий раздел (с. 259—282) рассказывает о творческой деятельности этнографа, фольклориста и лингвиста Т. К. Борисова. В. К. Кельмаков

останавливается на его биографии и анализирует две крупные работы ученого: «Песни южных вотяков» (1929) и «Удмуртский словарь» (1991), значимость которых не утратилась и для современной удмуртской лингвистики.

Девятый параграф (с. 281—310) посвящен крупнейшему представителю классического финно-угорского языкознания и советской финно-угристики В. И. Лыткину. В двух статьях подробно рассматривается исключительно богатая научная и педагогическая деятельность этого исследователя пермских языков. Им разрабатывались вопросы коми литературного языка и диалектологии, языковые контакты и история отдельных суффиксов, проблемы исторической фонетики и диалектологии русского языка и этимологии отдельных слов, нормативная грамматика пермских языков и вопросы ономастики, древнекоми письменность и многое другое.

В десятом разделе (с. 311—342) В. К. Кельмаков описывает жизненный и творческий путь удмуртского диалектолога, фонетиста, ономаста и лексиколога Т. И. Тепляшиной. Автор справедливо отмечает, что ее творческая деятельность по изучению удмуртских диалектов положила начало целой серии работ на диалектологическую тему и «ознаменовала собой начало III этапа» (с. 325) истории науки об удмуртском языке — теоретического описания диалектов. В. К. Кельмаков отметил и другое направление в работе исследователя — изучение и публикацию ранних памятников удмуртской письменности.

В параграфе, посвященном биографии ведущего специалиста по удмуртскому языку и финно-угроведа И. В. Тараканова (с. 343—380), автор отмечает многогранную научную деятельность исследователя не только удмуртского, но и отчасти пермского и финно-угорского языкознания. Начав свою карьеру с изучения диалектологии, ученый продолжает свои изыскания в таких далеких друг от друга областях удмуртской лингвистики, как историческая фонетика, современный

удмуртский литературный язык (особенно морфология) и историческая лексикология.

Двенадцатый раздел (с. 381—402) в форме анкетных вопросов и ответов знакомит читателя с творческим наследием самого автора рецензируемой книги.

Последний параграф (с. 403—426) посвящен обзору научной деятельности «международно признанного специалиста в области пермских языков» (с. 403) венгерского лингвиста Шандора Чуча. В. К. Кельмаков справедливо отмечает, что его работы в российском финно-угроведении еще не до конца оценены, и было бы хорошо переиздать их на удмуртском или русском языках.

В конце книги приводятся условные сокращения и библиографический список, включающий около 950 названий. Это, пожалуй, самая пос-

ледняя и наиболее полная библиография по удмуртскому языку.

Завершая рецензию, необходимо сделать оговорку: очень трудно подробно раскрыть содержание столь объемного труда. Автор подготовил чрезвычайно интересную книгу, аккумулировав в ней большей частью все теоретические наработки, касающиеся вопросов изучения удмуртского языка, начиная с XVIII века и кончая сегодняшним днем.

*Л. М. ИВШИН* (Ижевск)

**Address**

L. M. Ivšin  
Institute of the Udmurt History,  
Language and Literature  
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru